
Антон Шарп
Король на мушке

Антон Шарп

Король на мушке

«Автор»
2026

Шарп А.

Король на мушке / А. Шарп — «Автор», 2026

«Король на мушке» — весёлый исторический детектив с неожиданными поворотами, настоящими композиторами, опасными преступлениями и интеллигентным юмором.Всё начинается в Гамбурге XVIII века с карточной партии, за которой скрываются большие деньги, опасные тайны и весьма неприятные знакомства. А вскоре выясняется, что кто-то решил сыграть опасную партию с королём Августом III. Причём орудием преступления может стать музыка!Два великих композитора — Телеман и Бах — попробуют себя в роли детективов. Смогут ли они соперничать с прославленными литературными сыщиками — мисс Марпл, отцом Брауном, а может быть, даже доктором Ватсоном? Помогать им будут ученица Генделя Шарлотта и комиссар Антон фон Штольц.Предупреждаем: для чтения этого детектива совершенно не требуется знание нотной грамоты или умение играть на фортепиано. Сюжет будет говорить сам за себя!Итак, пожелаем нашим детективам, Телеману и Баху, весёлого расследования. Преступники, берегитесь!Ваш Антон Шарп

© Шарп А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Дом, в котором не было тишины 6
Глава вторая. Гости из Лондона 9
Глава третья. Кольцо с гранатом 15
Глава четвёртая. Опасные покупки 23
Глава пятая. Комиссар берётся за дело 31
Глава шестая. Человек с газетой 39
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Король на мушке

От автора

В середине XVIII века в портовом немецком городе Гамбурге — произошли два загадочных события.

Сначала одна карточная партия закончилась такими неприятностями, что о них предпочитали говорить шёпотом.

А вскоре кто-то заплатил деньги за тайное изменение партитуры торжественной музыки, предназначенной для короля. Казалось бы, всего несколько нот. Но иногда даже одна неверная нота может стоить человеку жизни. Особенно если этот человек носит корону.

Что скрывалось за этими событиями? Обыкновенное мошенничество? Чья-то месть? Или нечто гораздо более опасное?

Разбираться в происходящем предстоит не классическим сыщикам, а композиторам. Знакомьтесь: Георг Филипп Телеман и Иоганн Себастьян Бах. Два великих композитора, которым судьба неожиданно предложила попробовать себя в роли детективов.

На первый взгляд, выбор довольно странный. Ни один из них не служил в полиции, не умел допрашивать преступников и не имел привычки носить при себе пистолет.

Зато оба обладали качествами, которые могли оказаться весьма полезными.

Телеман умел находить общий язык с самыми разными людьми — от коронованных особ до трактирных музыкантов. А Бах был способен найти фальшивую ноту даже в громогласном извержении органа.

Поможет ли музыкальный слух отличить правду от лжи, а умение сочинять музыку — распутывать преступления?

Впрочем, преступники имеют одно несомненное преимущество: они совершенно не обязаны соблюдать правила музыкальной гармонии.

Автор позволил себе некоторую хронологическую вольность. События, которые в действительности разделяли десятилетия, здесь происходят почти одновременно. А знаменитые композиторы оказываются в обстоятельствах, которым в их исторических биографиях не нашлось место. Зато их характеры, привычки, увлечения и человеческие слабости имеют вполне историческое происхождение.

В отличие от них, биографии преступников - плод фантазии автора.

Профессиональные историки, вероятно, схватятся за голову. Музыковеды — за камертон. А любители детективов весело проведут время в обществе музыкальных сыщиков и их друзей.

А тем, кто при словах «классическая музыка» начинает искать ближайший выход, спешу сообщить приятную новость: для чтения этой книги совершенно не обязательно знать ноты, отличать ораторию от арии, и помнить, сколько опер написал Бах. Прошу, прощения, Телеман!

Наконец, для самых любознательных читателей в конце книги предусмотрена особая глава — «Настоящий Телеман». В ней можно узнать, какие невероятные подробности этой истории действительно происходили в жизни знаменитого композитора.

Но заглядывать туда заранее не советую. В хороший детектив, как и в хорошую музыку лучше погружаться постепенно.

Итак, прошу всех занять свои места. Оркестр уже ждет сигнала дирижера. Дирижёр поднял палочку. Преступники затаились.

Только, пожалуйста, господа, не стреляйте во время увертюры!

Глава первая. Дом, в котором не было тишины

Гамбург в XVIII веке просыпался шумно. Сначала загремели колеса телег, везущих рыбу с утреннего рынка. Потом заорали торговки, выясняя, чья селёдка свежее. Затем поссорились два извозчика, не поделившие узкую улицу. Над всем этим шумом раздавался колокольный звон. Гамбург был городом церквей, купцов и людей, которые умели считать деньги значительно лучше, чем соблюдать тишину.

Композитор Георг Филипп Телеман жил в добротном городском доме с узкими окнами, крутой лестницей и такими скрипучими половицами, что ночное передвижение по нему требовало почти музыкального слуха. Впрочем, слуха в этом доме хватало. Музыки — тоже. Тишины не хватало катастрофически.

В то утро Телеман проснулся после кошмарного сна. Ему приснилось, что городские власти потребовали сочинить кантату на открытие нового рыбного склада. Причём непременно с солирующей селёдкой. Композитор сел на кровати и прислушался. Снизу доносились удары, звон посуды и чей-то возмущённый голос.

— Готлиб! Если ты ещё раз положишь свои перчатки на мой кухонный стол, я приготовлю из них отбивные!

— Марта, — отвечал другой голос, — я двадцать лет служу в этом доме и ни разу не ел отбивных!

— Вот именно! И совершенно заслуженно!

Телеман вздохнул. Кухарка Марта Беккер и слуга Готлиб Крюгер ссорились каждое утро. Иногда они начинали ещё до рассвета, словно опасались, что кто-нибудь успеет поссориться раньше них. Марта была женщиной внушительных размеров, с крепкими руками и убеждением, что правильно приготовленный обед способен исправить любую человеческую глупость.

Готлиб был худ, как старинный смычок контрабаса, и считал, что все бедствия человечества происходят от недостаточно тщательно выметенных дворов. Подметать двор было любимым занятием Готлиба. А прислуживать за столом — нелюбимым. Слуги не соглашались друг с другом ни в чём. Кроме одного: хозяева дома совершенно не умели устраивать собственную жизнь.

Телеман надел халат и подошел к письменному столу. На столе лежали три незаконченные пьесы, счета из типографии, письма от подписчиков, каталог цветочных растений и записка от церковного старосты с требованием объяснить, почему во время воскресной службы один из гобоистов заснул.

Композитор взял перо. За свою жизнь он успел побывать студентом юридического факультета, руководителем оркестра, автором кантат, церковным музыкантом и издателем собственных сочинений. Когда-то мать отправила его учиться подальше от музыки. В результате он сочинил столько произведений, что их хватило бы на несколько весьма деятельных композиторов.

Теперь Телеман отвечал за музыку пяти главных гамбургских церквей. А недавно городские власти сообщили, что Гамбург собирается посетить сам Август III, король Польши и курфюрст Саксонии. К приезду столь высокого гостя требовалось подготовить торжественную кантату. Телеман еще не приступил к сочинению, но уже получил три письма с указаниями, какой должна быть музыка, и ни одного — о том, кто и сколько за нее заплатит.

Он издавал ноты, переписывался с музыкантами всей Европы, выращивал редкие цветы и постоянно обнаруживал, что в сутках слишком мало часов. Но самой сложной его обязанностью оставалось сохранение семейного благополучия.

Дверь распахнулась. В комнату ворвалась тринадцатилетняя дочь Клара.

— Папа! Марта сказала, что сегодня у нас будут гости!

— Какие гости?

— Англичане.

— Англичане? Откуда?

— Из Лондона, — терпеливо объяснила дочь.

— Благодарю, Клара. Теперь мне значительно понятнее.

Следом появился девятилетний сын Иоахим, держа в руках колоду карт.

— Папа, а правда, что в карты можно выиграть тысячу талеров?

Телеман медленно повернулся.

— Кто тебе это сказал?

— Мама.

— А когда?

— Вчера вечером. Она сказала, что сегодня обязательно отыграется.

Перо выпало из руки композитора. Внизу хлопнула входная дверь. Послышался весёлый женский смех, затем мужской голос с заметным иностранным акцентом. Телеман подошёл к окну. У дома стояла роскошная карета. Из неё вышел высокий господин в светлом парике и дорогом камзоле. Рядом с ним показалась молодая женщина в тёмно-синем платье. Господин поднял голову и приветливо помахал рукой. Телеман не ответил. Он смотрел на карету с таким выражением, с каким опытный капитан смотрит на приближающийся шторм.

В кухне Марта выглянула в окно.

— Готлиб, видел?

— Видел.

— Что скажешь?

— Чисто метет! А колёса грязные.

— Кто метёт? При чём тут колёса?!

Готлиб виновато ответил:

— Никто не метёт, проклятая присказка! Колёса грязные, а сапоги дорогие.

— И что?

— Человек в таких сапогах никогда не ходит пешком, если можно заставить ходить кого-нибудь другого.

Марта задумалась.

— А дама?

— Улыбается.

— Это я вижу!

— Тогда зачем спрашиваешь?

Кухарка прищурилась.

— Не нравятся мне эти англичане.

— Почему?

— Слишком красивые.

— Ты и про меня так говорила, когда я поступил на службу.

— Готлиб, ты поступил на службу с семью зубами и сломанным носом.

— Зато с хорошими рекомендациями.

Марта отвернулась от окна.

— Чувствую, быть беде!

Готлиб поднял метлу.

— Если они натопчут в прихожей, беда будет непременно.

Ни один из них еще не подозревал, что через несколько дней эти двое незнакомцев заставят весь Гамбург говорить о доме Телемана. А сам композитор впервые в жизни пожалеет, что по совету матери не стал юристом.

Глава вторая. Гости из Лондона

Эдвард Блэквуд вошёл в дом Телемана с таким видом, словно собирался его купить. Не весь, разумеется. Для начала — гостиную.

Он был высок, строен, безупречно одет и обладал тем особенным выражением лица, которое бывает у людей, привыкших получать желаемое, желательно, бесплатно. Его спутница, Элеонора Грей, была моложе лет на десять. Тёмные волосы, ясные серые глаза, тонкая талия и улыбка, от которой мужчины начинали поправлять парики, а женщины — внимательнее следить за своими мужьями. На безымянном пальце правой руки Элеонора носила кольцо с крупным гранатом. Кольцо было старинным, дорогим и, как выяснится позднее, гораздо более ценным, чем поначалу можно было предположить.

— Маэстро Телеман! — воскликнул Блэквуд, широко раскинув руки. — Какая честь! Какая радость! Какое счастье наконец познакомиться с величайшим композитором Германии!

Телеман сдержанно поклонился.

— Благодарю. Обычно мне сообщают об этом после того, как просят написать кантату бесплатно.

Блэквуд рассмеялся.

— О, английские джентльмены никогда не просят музыкантов работать бесплатно!

— Удивительная страна, — заметил Телеман. — Надо будет туда переехать.

Элеонора протянула руку.

— Мы так много слышали о вас в Лондоне!

— Надеюсь, не от моих кредиторов.

— От мистера Генделя. Нашего английского композитора.

Телеман оживился.

— Вы хотели сказать, от нашего немецкого композитора.

— Да, простите, конечно, немецкого, но для нас, англичан, он стал родным.

— И как поживает этот великий человек?

— Прекрасно. По крайней мере, в тот день, когда мы его видели, он громко ругался с каким-то итальянским певцом.

— Значит, совершенно здоров.

Гости засмеялись. В этот момент появилась хозяйка дома. Мария Катарина Телеман умела входить в комнату так, что даже самые важные господа невольно поворачивали головы. Она была красива, энергична, любила нарядные платья, хорошие духи и общество, в котором никто не говорил о расходах. И, разумеется, обожала всех девятерых своих детей.

У неё была невинная страсть — она любила карты. Точнее, когда-то эта страсть казалась невинным развлечением. Потом появились небольшие проигрыши. Затем крупные. Наконец, в доме Телемана установилось негласное правило: если Мария Катарина произносила слова: «Сегодня мне непременно повезёт», композитор начинал искать, какие ценные вещи можно припрятать, чтобы они не оказались в ломбарде.

— Дорогой Эдвард! — воскликнула она. — Вы всё-таки приехали!

Блэквуд поцеловал ей руку.

— Разве мог я отказаться от приглашения столь очаровательной дамы?

— А вы, Элеонора! Какое чудесное платье!

— Парижская работа.

— Я так и подумала!

Телеман посмотрел на жену.

— Мария, дорогая, ты не говорила, что знакома с нашими гостями.

— Мы встретились вчера у Фальков.

— У ювелира Генриха Фалька?

— Да. Доротея устроила небольшой вечер.

— Насколько небольшой?

— Совсем небольшой. Всего несколько партий.

Телеман тяжело вздохнул.

— В карты?

— Разумеется. В шахматы я пока не научилась играть.

— И каковы результаты?

Мария Катарина улыбнулась.

— Дорогой, сегодня всё будет иначе. Обещаю!

Композитор закрыл глаза. Это была именно та фраза, которой он опасался больше всего.

—

К обеду гостиная наполнилась людьми. Пришли Генрих Фальк, известный гамбургский ювелир, и его супруга Доротея, женщина столь разговорчивая, что однажды сумела за время церковной службы пересказать соседке историю трёх семейных скандалов. Генрих был невысок, круглолиц и носил очки в тонкой оправе, которые постоянно сползали ему на нос. Он обладал редким даром определять стоимость драгоценного камня с одного взгляда. К сожалению, этот дар совершенно не распространялся на людей.

Доротея немедленно принялась расспрашивать Элеонору о лондонских модах.

— Говорят, в Англии носят такие высокие причёски, что дамы не могут войти в карету!

— Только если карета недостаточно роскошна, — ответила Элеонора.

— Прелестно! Надо рассказать об этом моему парикмахеру.

В дверях появился Готлиб. Он нёс поднос с бокалами и смотрел на гостей с нескрываемым подозрением.

— Господин Телеман, — тихо сказал он хозяину, — у англичанина странные сапоги.

— Что в них странного?

— Слишком чистые.

— Готлиб, он приехал в карете.

— Вот именно. А карета вся в грязи.

— И что из этого следует?

— Пока ничего. Но это повод внимательнее присмотреться.

Телеман хотел ответить, что грязь на колёсах ещё не является уголовным преступлением, тем более в Гамбурге, но в этот момент Марта объявила об обеде.

—

Марта приготовила жареную утку с яблоками, красную тушёную капусту, пирог с бараниной и столько различных соусов, что Телеман заподозрил: кухарка собирается накормить не шестерых человек, а весь гамбургский городской совет.

Блэквуд ел с большим удовольствием.

— Великолепно! — воскликнул он. — В Лондоне за такой обед пришлось бы заплатить целое состояние!

— Здесь тоже, — тихо заметил Телеман.

Марта, услышав похвалу, смягчилась. Правда, ненадолго. Когда англичанин попросил добавить в соус ещё перца, она посмотрела на него так, словно он предложил переписать одну из кантат хозяина.

— Хороший соус не требует дополнений, — объявила кухарка.

Блэквуд не стал спорить и попросил добавки. Марта потеплела.

За обедом говорили о музыке, путешествиях, лондонских театрах и новых платьях. Элеонора рассказала, как одна английская певица отказалась выходить на сцену, пока ей не принесут зеркало в человеческий рост.

— И что, принесли? — заинтересовалась Мария Катарина.

— Конечно.

— А потом?

— Она посмотрелась и отказалась петь.

— Почему?

— Решила, что зеркало прибавляет ей лет пять и пару размеров.

Телеман покачал головой.

— Теперь я понимаю, почему Гендель иногда предпочитает оркестр певцам.

Блэквуд неожиданно повернулся к нему.

— А правда, маэстро, что вы сочиняете музыку быстрее, чем ваши переписчики успевают её записывать?

— Это неправда, — ответил Телеман. — Мои переписчики просто очень медленно работают.

— Но ведь вы руководите музыкой сразу пяти церквей!

— Да.

— И пишете кантаты!

— Приходится.

— И издаёте ноты!

— Постоянно.

— И ещё выращиваете цветы!

— Цветы, мистер Блэквуд, единственные существа в моём доме, которые не требуют от меня денег.

Мария Катарина выразительно кашлянула.

— Дорогой!

— За исключением некоторых особенно дорогих сортов, — поспешно добавил композитор.

Все засмеялись. Только Элеонора не сводила глаз с хозяйки дома. Она внимательно наблюдала, как Мария Катарина разговаривает, как смеётся, как охотно принимает комплименты и как оживляется всякий раз, когда речь заходит об игре. Блэквуд тоже наблюдал. Его интересовали не комплименты. Его интересовали деньги.

—

После обеда Мария Катарина распорядилась принести карточный столик. Телеман насторожился.

— Мария, может быть, лучше я покажу гостям новую музыку?

— Дорогой, мы и так всё время слушаем твою музыку.

— Это потому, что я композитор.

— И какой! Но сегодня у нас гости. Давай проведём вечер в тишине.

— Я мог бы сыграть что-нибудь на клавесине, — не унимался Телеман.

— Георг, ты играл вчера.

— И позавчера, — добавила Клара, появившаяся в дверях.

Телеман посмотрел на дочь.

— Спасибо за поддержку, дочка.

Клара улыбнулась. Рядом с ней стоял Иоахим, державший в руках маленькую деревянную лошадку.

— Папа, а можно мне посмотреть, как играют?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я надеюсь, что хотя бы один мужчина в этой семье вырастет благоразумным.

— А я? — спросила Клара.

— Ты — девочка и уже благоразумнее нас обоих.

Девочка запрыгнула на оттоманку. Иоахим тоже. Оттуда был здорово виден карточный стол и всё, что происходило в комнате.

За карточный стол сели Мария Катарина, Блэквуд, Элеонора и Доротея Фальк. Генрих предпочёл наблюдать. Телеман расположился у клавесина, надеясь хотя бы своим присутствием удержать происходящее в разумных пределах.

Первые партии прошли весело. Мария Катарина выигрывала. Сначала десять талеров. Потом двадцать. Затем ещё тридцать.

— Видишь, Георг! — торжествующе воскликнула она. — Я же говорила!

— Пока вижу только то, что ты выиграла на оплату дров на зиму.

Блэквуд проигрывал с очаровательной беспечностью.

— Сегодня удача явно не на моей стороне!

Элеонора смеялась.

— Эдвард, вы совершенно не умеете играть!

— Моя дорогая, это давно известно.

Мария Катарина сияла. Ей казалось, что судьба наконец решила вернуть всё, что задолжала за предыдущие месяцы.

Блэквуд проигрывал с таким постоянством, что это постепенно перестало удивлять даже Телемана. Время от времени англичанин предлагал немного повысить ставки, а затем снова проигрывал. Мария Катарина охотно соглашалась. Когда же он впервые выиграл, она лишь рассмеялась: после стольких удачных партий небольшая неудача казалась пустяком.

Но Телеман заметил одну странность. Каждый раз перед особенно крупной ставкой Элеонора поворачивала гранатовое кольцо на пальце. Иногда камень оказывался сверху. Иногда

сбоку. Иногда она прикрывала его ладонью. Композитор посмотрел внимательнее. Элеонора заметила его взгляд и улыбнулась.

— Вам нравится моё кольцо, маэстро?

— Очень.

— Старинная английская работа.

— Удивительно, сколько полезных вещей изобретают англичане.

— Например?

— Парламент, крокет, английский чай и способность проигрывать с улыбкой.

Блэквуд громко рассмеялся. Элеонора тоже. И незаметно повернула кольцо ещё раз.

—

К вечеру ставки выросли. Доротея Фальк благоразумно вышла из игры.

— У меня от таких сумм начинает болеть голова.

— А у меня — кошелёк, — заметил её муж.

Мария Катарина не собиралась останавливаться.

— Ещё одну партию!

Телеман поднялся.

— Мария, уже поздно.

— Всего одну!

— Именно так обычно начинаются самые дорогие вечера в нашем доме.

Блэквуд улыбнулся.

— Маэстро, не беспокойтесь. Мы ведь играем исключительно ради удовольствия.

— В таком случае, — сказал Телеман, — предлагаю заменить талеры фасолью.

— Георг! — возмутилась жена.

— Хорошо. Горохом.

Даже Марта, вошедшая с подносом, не удержалась от смеха.

Игра продолжилась. Мария Катарина получила хорошие карты. Очень хорошие. Она подняла ставку. Блэквуд ответил. Ставки росли, пока на кону не оказалась тысяча талеров. Мария Катарина на мгновение заколебалась, но взглянула на свои карты и решительно продолжила игру. Она была уверена, что выиграет. Блэквуд задумчиво посмотрел на свои карты. Элеонора медленно повернула гранатовое кольцо.

— Играем, — сказал англичанин.

Клара, сидевшая на оттоманке и делавшая вид, что расчёсывает локоны кукле, заметила этот жест. Девочка нахмурилась. Ей показалось, что она уже видела нечто подобное несколько раз за вечер.

Но взрослые были слишком увлечены. Мария Катарина увеличила ставку ещё раз. Блэквуд ответил. Элеонора улыбнулась. Телеман перестал исправлять партитуру. В комнате стало подозрительно тихо. Так тихо, что было слышно, как потрескивают свечи.

— Господа, — произнёс Блэквуд, — кажется, сегодня нам предстоит особенно интересная партия. — Он положил карты на стол.

Мария Катарина побледнела. Её прекрасная комбинация оказалась бита. Блэквуд выиграл. И сумма выигрыша была такова, что даже Доротея Фальк перестала разговаривать. Тысяча талеров. Целое состояние. Даже для ювелира. Даже для бургомистра. Не говоря уже о композиторе.

Телеман медленно подошёл к столу.

— Сколько?

Мария Катарина не ответила.

— Мария, дорогая, я спросил: сколько?

Блэквуд вежливо поднялся.

— Тысяча талеров, маэстро.

Композитор некоторое время молчал. Потом посмотрел на жену. Затем на англичанина. Затем на карточный стол.

— Тысяча, — повторил он.

— Именно.

— Талеров?

— Разумеется. Мы всегда принимаем ставки только в местной валюте!

Телеман задумался.

— За такие деньги, мистер Блэквуд, я мог бы сочинить несколько десятков кантат, построить небольшой орган и купить столько гиацинтов, что Гамбург пришлось бы переименовать в Цветочный город.

В этот раз никто не засмеялся. Только Клара вдруг соскользнула с оттоманки и подошла ближе к столу.

— Папа!

Телеман повернулся.

— Что случилось?

Девочка смотрела на Элеонору. Вернее, на её руку.

— Я знаю, как они это сделали.

В комнате наступила тишина. Элеонора медленно опустила ладонь под стол. А Блэквуд впервые за весь вечер перестал улыбаться.

Глава третья. Кольцо с гранатом

— Я знаю, как они это сделали!

Клара стояла посреди гостиной, вытянув руку в сторону Элеоноры Грей.

Телеман посмотрел на дочь. Потом на англичан. Потом снова на дочь.

— Клара, дорогая, — осторожно произнёс он, — ты уверена?

— Да, папа.

— Тогда объясни нам, пожалуйста, почему я только что потерял тысячу талеров.

— Ты не потерял, — возразила девочка. — Проиграла мама.

— Благодарю. Теперь мне значительно легче.

Мария Катарина сидела неподвижно. Перед ней лежали карты, которые ещё минуту назад обещали ей великолепную победу.

Эдвард Блэквуд медленно поднялся из-за стола.

— Маэстро, — произнёс он с безупречной любезностью, — я понимаю, что столь крупный проигрыш способен вызвать некоторое огорчение. Но обвинять гостей в нечестности…

— Я никого не обвиняла! — перебила Клара.

— Вот и прекрасно.

— Я только сказала, что знаю, как вы жульничали.

Готлиб, вошедший в зал, одобрительно хмыкнул. Марта поставила на буфет поднос с чашками.

— Хорошая девочка. Вся в отца.

— Благодарю, Марта, — сказал Телеман. — Хотя мне бы хотелось, чтобы она унаследовала от меня что-нибудь менее дорогостоящее.

Элеонора улыбнулась.

— Какая наблюдательная юная леди! И что же вы заметили?

Клара указала на её руку.

— Кольцо.

Элеонора посмотрела на гранат.

— Оно вам понравилось?

— Нет.

— Как жаль.

— Вы всё время его поворачивали.

Блэквуд рассмеялся.

— Дорогая мисс, женщины часто поправляют украшения.

— Но вы поворачивали его перед каждой большой ставкой.

Элеонора перестала улыбаться.

— Неужели?

— Когда камень был сверху, мистер Блэквуд поднимал ставку. Когда сбоку — сбрасывал карты. А когда вы прикрывали кольцо ладонью, он ждал.

Телеман медленно повернулся к англичанину.

— Любопытно.

— Совпадение, — сказал Блэквуд.

— Возможно.

— Самое обыкновенное совпадение.

— Тогда давайте проверим.

Композитор протянул руку.

— Мадам, позволите взглянуть на ваше кольцо?

Элеонора прижала ладонь к груди.

— Это семейная драгоценность.

— Тем более интересно. У нас как раз находится человек, который разбирается в семейных драгоценностях лучше, чем я в собственных финансах.

Телеман повернулся к Генриху Фальку.

— Генрих, окажите любезность.

Ювелир поправил очки.

— С удовольствием.

Элеонора не двигалась.

— Я не привыкла отдавать украшения незнакомым господам.

— Но мы ведь познакомились, — заметил Фальк.

— Недостаточно близко.

— Для осмотра кольца близость знакомства не требуется, — вмешалась Доротея. — Генрих однажды определил поддельный рубин у жены самого бургомистра. И даже не спросил, откуда он у неё взялся.

— Доротея! — простонал ювелир.

— Что? Я же не называю имени!

— Ты только что назвала должность её мужа.

— В Гамбурге несколько бургомистров.

— От этого мне не легче.

Телеман поднял ладонь.

— Господа, предлагаю вернуться к драгоценностям. Семейные тайны городского совета оставим на другой вечер.

Элеонора посмотрела на Блэквуда. Тот едва заметно кивнул. Она сняла кольцо.

— Прошу.

***

Генрих Фальк достал из кармана маленькую лупу. Ювелиры, как и музыканты, редко расстаются со своими инструментами.

Он поднёс кольцо к свече.

— Гранат хороший. Богемский, вероятно. Оправа английская. Работа тонкая.

— Благодарю, — сказала Элеонора.

— Но странная.

— Что именно?

— Камень посажен необычно высоко.

Фальк повернул кольцо. Что-то едва слышно щёлкнуло.

— Ага!

Телеман вздрогнул.

— Что?

— Здесь подвижная оправа.

— И что это означает?

— Что камень можно поворачивать независимо от кольца.

Ювелир нажал на крошечный выступ. Гранат повернулся на четверть оборота. Потом ещё на четверть. Внутри оправы что-то снова щёлкнуло.

— Прелестно! — воскликнула Доротея. — Генрих, почему ты никогда не дарил мне таких украшений?

— Потому что я хотел сохранить наше состояние.

— Какое состояние?

— Ты прекрасно знаешь сама.

Клара подошла ближе.

— Значит, я была права?

— Отчасти, — ответил Фальк. — Кольцо действительно устроено необычно. Но само по себе оно не доказывает обмана.

— Разумеется, — немедленно сказал Блэквуд.

— Однако, — продолжал ювелир, — оно чрезвычайно удобно для передачи условных сигналов.

— Например, во время карточной игры? — спросил Телеман.

— Именно.

— Но для этого нужно сначала узнать, какие карты у противника, — заметил композитор.

— Совершенно верно, — согласился Фальк. — Кольцо может передать сообщение, но не способно само заглянуть в чужие карты.

Элеонора пожала плечами.

— В таком случае следует запретить дамам играть в карты в украшениях.

— Прекрасная мысль, — сказала Марта. — А господам — приносить карты.

Блэквуд выпрямился.

— Маэстро, я полагаю, этот разговор зашёл слишком далеко.

— А я полагаю, — ответил Телеман, — что он только начинается.

***

Марта принесла новые свечи.

Готлиб запер входную дверь. Сделал он это без всякого приказания.

Блэквуд заметил движение.

— Почему ваш слуга запирает дом?

— Потому что на улице холодно, — ответил Телеман.

— Но сейчас лето.

— Готлиб не доверяет временам года.

— Особенно английским, — добавил дворник.

Марта одобрительно кивнула. Впервые за весь день они оказались единодушны.

Телеман подошёл к карточному столу.

— Давайте восстановим последнюю партию.

— Это бессмысленно, — сказал Блэквуд.

— Разве? Я привык проверять собственные ошибки. Особенно если они стоят тысячу талеров.

Он собрал карты.

— Мария, какие карты были у тебя?

Жена назвала комбинацию.

— А у вас, мистер Блэквуд?

Англичанин ответил не сразу.

— Я уже показал свои карты.

— Покажите ещё раз.

— Вы сомневаетесь в моей памяти?

— Нет. Скорее, в своей.

Блэквуд побледнел. Впервые за вечер он потерял безупречное выражение лица.

— Вы забываетесь, маэстро.

— Напротив. Я прекрасно помню, сколько денег вы требуете от моей жены.

Телеман разложил карты. Клара внимательно наблюдала.

— Папа, — сказала она, — он каждый раз смотрел на Элеонору перед тем, как делать ставку.

— Ты уверена?

— Да.

— А как он узнавал твои карты, Мария?

— Я не знаю.

— Я тоже, — признался композитор.

Фальк задумчиво потёр подбородок.

— Возможно, карты были мечены.

Все посмотрели на колоду.

Доротея ахнула.

— Меченые карты! В приличном доме!

— Дорогая, — сказал её муж, — в неприличном доме они вызвали бы не меньше удивления.

Фальк взял одну карту и поднёс к свече. Потом другую. Потом третью.

— Вот оно.

На рубашке карты, среди завитков орнамента, виднелась едва заметная царапина.

— Здесь тоже.

Он показал вторую.

— И здесь.

Телеман нахмурился.

— Я ничего не вижу.

— А вы посмотрите под углом.

Композитор повернул карту к свету. На этот раз он заметил тонкую линию.

— Действительно.

— У разных карт разные отметки, — объяснил ювелир. — Очень искусно. Если знать расположение этих царапин, можно определить карту, не видя её лицевой стороны.

Телеман посмотрел на колоду.

— Постойте. Ведь это не наши карты!

Мария Катарина подняла голову.

— Разумеется, нет. Мистер Блэквуд сам предложил свою колоду. Сказал, что английские карты гораздо удобнее немецких.

— Несомненно, — заметил Телеман. — Особенно если заранее знать, что на них изображено.

Фальк разложил несколько карт рубашками вверх.

— Вот видите? Отметки находятся в разных местах орнамента. Если заранее выучить их значение, достаточно одного взгляда.

— Значит, они знали карты Марии? — спросила Клара.

— Похоже.

— Но почему тогда мистер Блэквуд всё время смотрел на Элеонору? — спросила Доротея. — Он ведь тоже мог видеть эти отметки.

— Не все, — ответил Фальк. — Карты в руках игрока часто закрыты друг другом. А вот человек, сидящий немного в стороне, может заметить гораздо больше.

Клара оживилась.

— Элеонора сидела рядом с мамой! И всё время смотрела на её карты!

— На рубашки карт, — уточнил ювелир.

— А потом поворачивала кольцо!

— Именно, — сказал Телеман. — Мадам читала отметки и передавала своему спутнику условные сигналы. Камень сверху — можно повышать ставку. Сбоку — лучше отказаться. Прикрытое кольцо — подождать.

Фальк кивнул.

— Вполне осуществимо. Хотя для такого предприятия необходимы хорошая память и некоторая практика.

— А также полное отсутствие совести, — добавила Марта.

Блэквуд громко рассмеялся. Смех получился неестественным.

— Господа! Вы собираетесь обвинить меня в мошенничестве на основании нескольких царапин и дамского украшения?

— Пока нет, — сказал Телеман.

— Вот и прекрасно!

— Пока мы только выясняем, каким образом вы это сделали.

***

Мария Катарина наконец поднялась. Лицо её было бледным.

— Эдвард, — сказала она тихо, — вы действительно обманули меня?

Блэквуд развёл руками.

— Дорогая мадам! Неужели вы верите подобным обвинениям?

— Ответьте.

— Я выиграл честно.

Элеонора отвернулась к окну.

Мария Катарина заметила это движение.

— Посмотрите мне в глаза, Элеонора.

Англичанка медленно повернулась. Несколько секунд женщины молча смотрели друг на друга.

Потом Элеонора произнесла:

— В карточной игре каждый отвечает за собственные решения.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

— Тогда я не заплачу ни талера.

Блэквуд перестал улыбаться.

— Простите, что вы сказали?

— То, что вы слышали.

— Мадам, а как же долг чести?

— Чести? — переспросила она. — Вы говорите о чести?

Телеман посмотрел на жену с неожиданным восхищением. Впервые за долгое время она произнесла за карточным столом именно те слова, которые он мечтал услышать.

— Мария совершенно права, — сказал он. — Я предлагаю считать игру недействительной.

— Это невозможно, — ответил Блэквуд.

— Почему?

— Потому что я выиграл.

— Удивительный довод. Его непременно следует сообщить городскому судье.

При упоминании судьи Элеонора слегка вздрогнула. Блэквуд заметил это.

— В таком случае, маэстро, — произнёс он ледяным тоном, — нам придётся продолжить разговор в другом месте.

— Например, в суде?

— Например.

Он поклонился Марии Катарине.

— Надеюсь, завтра вы будете благоразумнее.

— А я надеюсь, — ответила она, — что завтра вас уже не будет в Гамбурге.

Блэквуд взял шляпу. Элеонора последовала за ним.

Готлиб, стоявший у входа, отпер дверь и распахнул её перед гостями с такой поспешностью, словно опасался, что англичане передумают уходить.

У двери Блэквуд остановился.

— Как бы вам не пришлось пожалеть об этом вечере, маэстро.

Телеман посмотрел на него.

— Мистер Блэквуд, я начал жалеть о нём примерно три часа назад.

***

Когда карета уехала, Мария Катарина опустилась в кресло. Клара подошла к матери и обняла её.

— Мамочка, я правильно сделала?

— Конечно, дорогая.

— Ты не сердишься?

— На тебя? Нет.

Мария Катарина погладила дочь по голове.

— Ты спасла нас от огромной беды.

Телеман стоял у камина.

— Боюсь, — тихо произнёс он, — беда ещё не закончилась.

Марта принесла хозяйке чашку тёплой воды с валерианой.

— Выпейте, госпожа. После таких гостей это надо обязательно сделать.

Готлиб вернулся из прихожей.

— Уехали.

— Слава Богу, — сказала Доротея Фальк.

— Но колёса у них всё-таки странные, — добавил дворник.

Телеман устало посмотрел на него.

— Готлиб, прошу вас, хотя бы сегодня забудьте о колёсах.

— Не могу, господин.

— Почему?

— Потому что левое заднее колесо у них болтается.

— И что?

— И на ободе свежая царапина. Я такие вещи замечаю.

— Прекрасно. Если когда-нибудь мы будем расследовать преступление, совершённое каретой, я непременно обращусь к вам.

Готлиб пожал плечами.

— Как скажете, господин.

Он взял метлу и отправился выметать двор.

***

Поздно вечером, когда гости разошлись, Телеман вернулся к письменному столу.

Незаконченная торжественная кантата по-прежнему лежала перед ним. Рядом — счета из типографии, каталог цветочных растений и записка церковного старосты.

Композитор сел за стол, взял перо и попытался продолжить работу.

Но музыка не шла.

Он думал о жене. О проигранных талерах. О холодной улыбке Блэквуда. И о том, что иногда самые неприятные люди появляются в доме именно тогда, когда меньше всего хочется иметь с ними дело.

В дверь тихо постучали.

Вошла Мария Катарина.

— Георг…

Он поднял голову.

— Да, дорогая?

— Ты очень сердишься?

Телеман некоторое время молчал.

— Я стараюсь решить, на кого именно.

Она подошла ближе.

— Я была глупа.

— Это случается со всеми. Даже с городскими советниками. Хотя они редко признаются.

Мария Катарина слабо улыбнулась.

— Прости меня, дорогой.

Телеман отложил перо.

— Мария, дело ведь не только в сегодняшней тысяче талеров.

Она опустила глаза.

— Я знаю.

— Ты уже не раз обещала, что больше не будешь играть на деньги. А потом в доме снова появлялись карты, гости и надежда непременно отыграться.

— Мне казалось, что на этот раз я смогу вернуть всё, что проиграла раньше.

— Вот именно этого я и боюсь. Ты пытаешься вернуть вчерашние деньги завтрашними проигрышами.

Мария Катарина молчала.

— Если бы Клара сегодня не заметила кольцо, — продолжал Телеман, — нам пришлось бы искать тысячу талеров. И я даже не знаю, где.

— Я понимаю.

— У нас десять детей, Мария. Им нужны еда, одежда, учителя. А моим музыкантам — жалованье. И никто из них не согласится получать вместо денег надежду на удачную карту.

Она села рядом с ним.

— Я больше не хочу играть на деньги, Георг.

— Ты уверена?

— Да. Сегодня я впервые увидела, как легко можно потерять не только деньги, но и доверие.

Телеман взял её за руку.

— Давай договоримся об одном.
— О чём?
— Если тебе снова захочется выиграть в карты, посоветуйся со мной.
— И что ты скажешь?
— Что я предпочёл бы их заработать.
Она рассмеялась. Потом обняла мужа.

Глава четвёртая. Опасные покупки

За окном шумел ночной Гамбург. Где-то вдалеке пробили часы.

На другом конце города Эдвард Блэквуд сидел за столом в гостиничном номере и рассматривал записку, написанную аккуратным английским почерком. Элеонора стояла у окна.

— Она не заплатит, — сказала женщина.

— Заплатит.

— Её муж обратится к властям.

— Не исключено.

— Тогда нам лучше уехать.

Блэквуд сложил записку.

— Нет, мой ангел. Мы ещё не закончили игру.

— Что ты задумал, Эдвард?

Он улыбнулся. На этот раз без всякого обаяния.

— Если госпожа Телеман не желает платить добровольно, придётся предложить её мужу более убедительные условия.

Элеонора медленно повернулась.

— Эдвард…

— Что?

— Вы ведь не собираетесь…

— Собираюсь. Собираюсь получить свой выигрыш.

Он погасил свечу.

В комнате стало темно. И тихо.

—

На следующее утро Георг Филипп Телеман обнаружил, что неприятности обладают удивительным свойством: они множатся без твоего участия. Сначала выяснилось, что городской совет требует закончить праздничную кантату к приезду Августа III на неделю раньше условленного срока.

Затем типографщик прислал счёт, в котором стоимость бумаги выросла настолько, что композитор заподозрил: ее начали производить из серебра.

А за завтраком Мария Катарина объявила, что собирается отправиться за покупками.

— За покупками? — переспросил Телеман.

— Да, дорогой.

— После вчерашнего вечера?

— Именно после вчерашнего. Мне необходимо развеяться.

— Разумеется. А нельзя ли развеяться в саду? Там у меня как раз расцвели анемоны.

— Георг, я не собираюсь проводить остаток жизни среди твоих цветов.

— Между прочим, некоторые из них стоят дороже хорошей лошади.

— Вот видишь! Ты прекрасно понимаешь, что такое настоящая роскошь.

Телеман хотел возразить, но передумал. За двадцать лет семейной жизни он усвоил одну важную истину: спорить с женой о покупках столь же бесполезно, как объяснять итальянскому тенору, что его оперная ария слишком длинна.

Мария Катарина допила чай.

— Я зайду к Доротее Фальк, а потом посмотрю новые ткани.

— Только ткани?

— Возможно, ещё перчатки.

— И всё?

— Георг!

— Я просто пытаюсь составить приблизительный список покупок и смету.

Она рассмеялась, поцеловала мужа в щёку и направилась к двери.

— Не жди меня к обеду.

— А к ужину?

— Непременно!

Это были последние слова, которые Телеман услышал от жены в тот день.

—

Гамбург жил своей обычной жизнью. На рыбном рынке торговались так громко, словно от цены трески зависела судьба Священной Римской империи. В порту разгружали корабли из Англии, Голландии и далёких колоний. По улицам катили кареты, телеги и тяжёлые повозки с бочками пива. Слышался голос шарманки.

Мария Катарина шла вдоль торговых рядов, рассматривая витрины.

Она уже успела купить ленту для Клары, заводного солдатика для Иоахима и пару перчаток, которые стоили значительно больше, чем она собиралась признаться мужу.

Настроение постепенно улучшалось.

Вчерашний карточный вечер казался дурным сном.

Тысяча талеров!

Она даже вздрогнула, вспомнив эту сумму.

Нет, больше никаких карт. Никогда.

Во всяком случае, сейчас она была в этом совершенно уверена.

Возле лавки торговца тканями её окликнул знакомый голос.

— Госпожа Телеман!

Мария Катарина обернулась.

Перед ней стояла Элеонора Грей. Сегодня англичанка была одета гораздо скромнее, чем накануне: серое дорожное платье, тёмный плащ, небольшая шляпка и зонтик. На пальце по-прежнему блестело кольцо с гранатом.

— Мадам, — холодно произнесла Мария Катарина.

Элеонора приблизилась.

— Я так рада, что встретила вас.

— Не могу сказать того же.

— Понимаю.

— В таком случае нам не о чем разговаривать.

Мария Катарина повернулась, собираясь уйти.

— Подождите! — быстро сказала Элеонора. — Я пришла извиниться.

Хозяйка дома остановилась.

— За что именно?

— За вчерашний вечер.

— Вы признаёте, что обманули меня?

Элеонора опустила глаза.

— Я признаю, что некоторые обстоятельства были… не вполне честными.

— Некоторые?

— Мадам, прошу вас, не здесь.

Она оглянулась и нервно коснулась кольца с гранатом.

— Я должна кое-что вам рассказать.

— Расскажите.

— Это касается мистера Блэквуда.

Мария Катарина скрестила руки.

— Я не желаю больше слышать это имя.

— Тогда тем более вам следует меня выслушать.

Элеонора приблизилась и понизила голос.

— Он очень опасен. Я боюсь за вас.

Мария Катарина посмотрела на неё внимательнее.

Впервые за время знакомства англичанка казалась по-настоящему испуганной.

— Что вы хотите сказать?

— Он не намерен забывать о выигрыше.

— Это его забота.

— Боюсь, теперь и ваша.

Элеонора бросила быстрый взгляд на стоявшую неподалёку карету.

— Я могу все объяснить. Но не посреди улицы.

— Почему?

— Потому что за нами наблюдают.

Мария Катарина обернулась.

У кареты стоял незнакомый мужчина в коричневом камзоле. Он делал вид, что рассматривает вывеску булочной.

— Кто это?

— Один из людей Блэквуда.

— И что ему нужно?

— Чтобы я не говорила с вами.

Мария Катарина почувствовала неприятный холодок.

— Тогда почему вы здесь?

Элеонора помолчала.

— Потому что вчера вы были со мной так добры. До того, как узнали правду.

Это прозвучало неожиданно искренне.

Мария Катарина колебалась.

Она была вспыльчива, доверчива и не слишком хорошо разбиралась в людях. Зато всегда считала, что человеку следует дать возможность исправить ошибку. Особенно если этот человек выглядел несчастным.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Но только несколько минут.

Элеонора облегчённо вздохнула.

— Моя карета стоит рядом. Мы можем поговорить по дороге к дому Фальков.

— К Фалькам?

— Да. Вы ведь собирались к Доротее?

Мария Катарина удивилась.

— Откуда вы знаете?

— Вы говорили вчера.

Это было правдой. И всё же что-то в объяснении показалось ей странным. Несмотря на это, она машинально направилась к карете.

Когда женщины уселись, кучер захлопнул дверцу и незаметно повернул наружный запор.

—

В доме Телемана тем временем происходили события гораздо менее опасные, хотя сам композитор придерживался другого мнения.

— Нет! Нет и ещё раз нет!

Телеман стоял посреди кабинета, размахивая письмом.

Перед ним находился молодой переписчик Фридрих Мюллер. Это был худощавый юноша с бледным лицом, аккуратно зачёсанными волосами и чернильными пятнами на пальцах.

Он выглядел так, словно с рождения опасался совершить орфографическую ошибку.

— Но, господин капельмейстер…

— Какие ещё компромиссы?

— Городской совет желает…

— Городской совет желает слишком многого!

Телеман положил письмо на стол.

— Они хотят торжественную кантату к приезду саксонского курфюрста. Прекрасно. Они хотят большой оркестр. Замечательно. Они хотят трубы, литавры, хор и солистов. Великолепно!

Мюллер осторожно кивнул.

— Да, господин.

— Но платить собираются так, словно я должен исполнить всё это на одной флейте!

Мюллер промолчал. Он уже знал, что в подобных случаях лучше не вмешиваться.

Телеман подошёл к окну.

— Кстати, Фридрих, вы закончили переписывать партии?

— Почти.

— Что значит «почти»?

— Осталось несколько страниц.

— Сколько?

— Совсем немного.

— Фридрих!

— Тридцать.

Композитор закрыл глаза.

— Тридцать страниц — это не «совсем немного». Это маленькая опера.

— Я скоро закончу.

— Очень надеюсь.

Мюллер поклонился и поспешил к двери. Но перед уходом неожиданно спросил:

— А правда, что на торжественном концерте будет присутствовать сам Август III?

— Если он не передумает.

— И музыканты из Дрездена?

— Возможно.

— И знаменитая певица?

Телеман повернулся.

— Какая певица?

Мюллер смутился.

— Говорят, приедет одна дама из саксонской придворной капеллы.

— В Гамбурге говорят слишком много, Фридрих. Особенно люди, которые должны переписывать ноты.

Юноша покраснел.

— Простите, маэстро.

Он исчез за дверью.

Телеман вздохнул с облегчением и вернулся к работе.

—

Карета, в которую села Мария Катарина, двинулась по тёмному переулку.

На козлах рядом с кучером устроился Эдвард Блэквуд, надвинув шляпу на глаза.

Элеонора сидела напротив Марии Катарины.

— Ну? — спросила хозяйка дома. — Я слушаю.

Англичанка не ответила. Она смотрела в окно.

— Мадам?

— Простите.

— Вы хотели что-то рассказать.

— Да.

Элеонора достала из сумочки сложенный лист бумаги.

— Это письмо Блэквуда.

Мария Катарина протянула руку.

В этот момент карета резко свернула. Она потеряла равновесие. Элеонора схватила её за запястье.

— Осторожно!

— Куда мы едем?

— К Фалькам.

— Но их дом в другой стороне!

Элеонора побледнела.

Мария Катарина бросилась к дверце. Она была заперта.

— Откройте!

— Мадам, прошу вас…

— Немедленно откройте дверь!

С козел послышался мужской голос:

— Сидите спокойно, госпожа Телеман.

Мария Катарина узнала голос Эдварда Блэквуда.

Она повернулась к Элеоноре.

— Вы заманили меня в ловушку!

Англичанка молчала.

— Как вы могли?!

— Мне очень жаль.

— Жаль?!

Мария Катарина схватила сумочку.

— Остановите карету!

Ответа не последовало.

Она ударила кулаком по дверце. Потом ещё раз.

Карета ускорила ход. Снаружи грохотали колёса.

Вдруг раздался резкий металлический скрежет. Повозку сильно тряхнуло.

— Проклятое колесо! — выругался кучер.

Мария Катарина вспомнила вчерашние слова Готлиба.

Когда англичане приезжали к Телеманам, дворник обратил внимание на их карету и заметил, что левое заднее колесо болтается. Он даже предупредил кучера, но тот лишь отмахнулся.

Она быстро посмотрела в окно.

Карета проезжала мимо торговых лавок. На углу стояла женщина с корзиной яблок.

Мария Катарина сорвала с запястья шёлковую ленту, купленную для Клары, и попыталась просунуть её в щель между дверцей и рамой.

Элеонора заметила движение.

— Что вы делаете?

— Поправляю перчатку.

— Это не перчатка.

Мария Катарина резко повернулась.

— А вы попробуйте меня остановить!

Элеонора замерла.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Потом англичанка отвернулась к окну.

Мария Катарина успела вытолкнуть ленту наружу.

Она не знала, заметит ли её кто-нибудь.

—

К обеду Телеман начал беспокоиться.

К ужину — сердиться.

А когда часы пробили девять, перестал делать вид, что занят музыкой.

— Марта!

Кухарка появилась немедленно.

— Да, господин?

— Госпожа ещё не вернулась?

— Нет.

— Может быть, она у Фальков?

— Я посылала Готлиба. Там её нет.

Телеман нахмурился.

— Как нет?

— Доротея говорит, что госпожа сегодня не приходила.

Композитор почувствовал, как сильно сжалось сердце.

— Может быть, она встретила знакомых?

— Возможно.

— Или задержалась в лавке?

— Возможно.

— Или…

Марта молчала.

Телеман посмотрел на неё.

— Вы тоже беспокоитесь?

— Да.

— Почему?

— Потому что госпожа никогда не пропускает ужин, если знает, что я приготовила её любимый яблочный пирог.

Это был довод, против которого Телеман не нашёл возражений.

В комнату вошёл Готлиб.

— Господин.

— Что?

— У ворот какой-то мальчишка.

— И что ему нужно?

— Принёс письмо.

Телеман выпрямился.

— От кого?

— Не сказал.

— Где он?

— Убежал.

Готлиб протянул конверт. Он был сделан из плотной бумаги и запечатан тёмно-красным сургучом. На лицевой стороне стояло: «Господину Георгу Филиппу Телеману. Лично».

Композитор сломал печать.

Внутри лежал один лист. Он прочитал. Потом ещё раз.

Марта заметила, как изменилось его лицо.

— Господин?

Телеман не ответил.

Он медленно опустился в кресло.

— Георг Филипп… — осторожно произнесла кухарка.

Композитор протянул ей письмо. Марта умела читать по слогам и предпочитала кухонные рецепты литературным произведениям.

Она развернула лист и прочла по слогам:

«Ваша супруга находится в надёжном месте. С ней ничего не случится, если вы проявите благоразумие. Тысяча талеров должна быть приготовлена в течение трёх дней. Вашей супруге хорошо известна причина наших требований. Не обращайтесь к властям. В противном случае вы больше не увидите госпожу Телеман. Ждите дальнейших указаний».

Марта медленно сложила письмо.

— Вот мерзавцы.

Телеман сидел неподвижно. Потом поднялся. Подошёл к окну. За стеклом темнел Гамбург. Город, в котором он прожил уже много лет. Город, где знал сотни музыкантов, торговцев, пасторов и чиновников. Город, который до сих пор казался ему вполне безопасным.

— Тысяча талеров, — тихо произнёс он.

Марта ждала.

— У меня нет таких денег.

— Знаю, господин.

— Даже если продать все цветы.

— Знаю.

— И все ноты.

— Знаю.

— И полдома. Но кому понадобится полдома?

Телеман повернулся.

— Единственный выход — найти этих негодяев и освободить Марию.

Марта кивнула. В дверях появился Готлиб.

— Господин, — сказал он, — я, кажется, знаю, с чего начать.

Телеман посмотрел на дворника.

— С чего?

Готлиб поднял метлу.

— С колёс.

— Каких ещё колёс?

— Той английской кареты.

— А при чём здесь карета?

— Я сегодня расспрашивал людей возле торговых рядов. Один лавочник видел английскую карету. Говорит, левое заднее колесо так скрипело, что было слышно через всю улицу.

— И что?

— А то, господин, что я знаю эту карету. Ещё вчера заметил, что колесо у неё болтается. Кучеру сказал, а он только рукой махнул. Такую повозку далеко слышно.

Композитор несколько секунд молчал. Потом медленно произнёс:

— Готлиб…

— Да, господин?

— Если вы поможете мне найти жену, я больше никогда не стану жаловаться на вашу метлу.

Готлиб задумался.

— Даже если я буду подметать в шесть утра?

— Даже в пять.

— А если в четыре?

— Не злоупотребляйте моим отчаянием.

Впервые за весь вечер Марта улыбнулась. Но улыбка быстро исчезла, как только она вспомнила о пропавшей госпоже.

А в это самое время где-то в Гамбурге, за запертыми дверями неизвестного дома, Мария Катарина Телеман уже понимала: карточная партия, начавшаяся в её гостиной, ещё далеко не закончена.

И теперь на кону стояли не только деньги.

Глава пятая. Комиссар берётся за дело

Комиссар Антон фон Штольц не любил, когда его беспокоили по утрам. Особенно по делам, которые не обещали ни повышения по службе, ни благодарности городского совета, ни хотя бы приличного завтрака.

Поэтому, когда в восемь утра в его кабинет вошёл Георг Филипп Телеман, комиссар встретил знаменитого композитора с выражением человека, у которого только что отняли последнюю надежду спокойно выпить кофе.

— Маэстро! Какая неожиданность!

— Для меня тоже, господин комиссар. Я рассчитывал провести сегодняшнее утро за сочинением торжественной кантаты, а не в полицейском управлении.

— Присаживайтесь. Чем могу служить?

— У меня похитили жену.

Комиссар замер. Он медленно поставил чашку на стол.

— Простите? Я спросонья не расслышал. Жену?

— Да, мою жену. Марию Катарину.

— Похитили?

— Именно.

Фон Штольц некоторое время смотрел на композитора.

— Вы уверены?

— В чём именно?

— Что её именно похитили.

Телеман достал письмо.

— Увы, это так. Только если она не решила отправиться за покупками и потребовать за собственное возвращение тысячу талеров.

Комиссар взял лист. Быстро прочитал. Потом прочитал ещё раз. Его лицо постепенно приобретало выражение чрезвычайной государственной важности.

— Тысяча талеров! Это же моё жалованье за десять лет! — произнёс он наконец.

— Меня тоже впечатлила сумма.

— И они угрожают вашей супруге?

— Именно поэтому я здесь.

Комиссар поднялся. Поправил парик. Подошёл к окну. Повернулся.

— Маэстро, перед нами серьёзное преступление.

— Я начал это подозревать ещё вчера вечером.

— Возможно, действует организованная шайка.

— Возможно.

— Возможно, иностранная!

— У меня есть основания подозревать двух англичан, которые недавно гостили в нашем доме.

— Ага! Иностранный след! Это существенно меняет дело.

— Особенно если учесть, что один из них угрожал мне.

Комиссар остановился посреди кабинета.

— Угрожал? Почему вы сразу не сказали?

— Вы пока не спрашивали.

Фон Штольц нахмурился. Он не любил, когда его мысли кто-то опережал. Особенно люди, не состоявшие на государственной службе.

— Вы должны понимать, маэстро, что расследование требует порядка.

— Разумеется.

— Дисциплины.

— Несомненно.

— И подробного протокола.

— Могу я предложить начать с поисков моей жены, а протокол написать после?

Комиссар вздохнул.

— Музыканты всегда торопятся?

— Только когда дирижёр уже поднял палочку, а певица ещё не вышла на сцену.

⁂

В соседней комнате сидел молодой человек в синем камзоле. Перед ним лежали бумаги, чернильница и небольшой кусок хлеба с сыром.

Он был невысок, подвижен и обладал внимательными глазами, которые замечали гораздо больше, чем позволяла предположить его скромная должность.

Звали его Каспар Кнопф.

Официально он числился помощником комиссара. Неофициально — человеком, которому приходилось выполнять большую часть работы, пока начальник объяснял окружающим, насколько она сложна.

— Кнопф! — раздался голос из кабинета.

Молодой человек от неожиданности выронил бутерброд.

— Да, господин комиссар!

— Немедленно сюда!

Каспар вошёл.

— Перед нами чрезвычайное происшествие, — объявил фон Штольц.

— Какое именно?

— Похищение.

Каспар посмотрел на Телемана.

— Кого похитили?

— Мою жену.

— Когда?

— Вчера днём.

— Где её видели в последний раз?

— Она отправилась за покупками к торговым рядам. Мы предполагаем, что исчезла где-то там.

— Кто-нибудь видел её после выхода из дома?

— Пока мы этого не знаем.

— Были ли угрозы до её исчезновения?

Телеман впервые за утро почувствовал некоторое облегчение. Наконец кто-то задавал вопросы, на которые имело смысл отвечать.

— Были. Позавчера вечером.

Каспар достал чистый лист.

— Расскажите с самого начала.

Телеман рассказал. О двух англичанах. О карточной игре. О проигрыше. О кольце с гранатом. О меченых картах. И о том, как Блэквуд обещал заставить его пожалеть.

Каспар записывал быстро, почти не перебивая.

Комиссар стоял у окна и время от времени произносил:

— Весьма подозрительно!

Когда Телеман закончил, Каспар спросил:

— Вы сохранили колоду?

— Да.

— Кольцо?

— Нет. Оно осталось у англичанки.

— Кто осматривал карты?

— Ювелир Генрих Фальк.

— Значит, у нас есть свидетель.

— Несколько свидетелей. Его жена, моя дочь и прислуга.

Каспар кивнул.

— Хорошо. А теперь скажите: у вас есть прямые доказательства, что похищение совершили именно англичане?

— Пока нет. Но Блэквуд требовал деньги, угрожал мне, а на следующий день исчезла моя жена. И теперь похитители требуют выкуп.

— Подозрения серьёзные, — согласился Каспар. — Но нам необходимо установить, где находились англичане вчера и кто видел вашу супругу после её ухода из дома.

Комиссар одобрительно поднял палец.

— Именно! Следствие не должно подменять доказательства догадками!

Телеман с интересом посмотрел на него. За всё утро это было первое замечание комиссара, с которым трудно было поспорить.

— А карета англичан? — продолжил Каспар.

Телеман оживился.

— Вот здесь у нас имеется кое-что любопытное.

Он рассказал о Готлибе и повреждённом колесе.

Каспар перестал писать.

— Левое заднее?

— Именно.

— Болталось?

— Да.

— И на ободе была царапина?

— Свежая.

Молодой помощник задумался.

— Это может пригодиться.

Комиссар обернулся.

— Повреждённая карета? Любопытно. Хотя я предпочёл бы, чтобы преступники оставили нам что-нибудь более определённое. Например, свои имена и адреса.

Каспар вежливо опустил глаза. Телеман тоже. Оба проявили большое самообладание.

⁂

Через час комиссар фон Штольц торжественно прибыл в дом Телемана.

Его сопровождали Каспар Кнопф и два городских стражника. Стражники выглядели так, словно их отправили расследовать не похищение, а охранять казённый склад от особенно опасных грызунов.

У дверей их встретил Готлиб.

— Кто вы такие?

Комиссар выпрямился.

— Антон фон Штольц, комиссар городской полиции!

— А, — сказал Готлиб.

— Что значит «а»?

— Значит, проходите.

— Вы должны были сказать: «Добро пожаловать, господин комиссар».

— Добро пожаловать, господин комиссар.

— Теперь уже поздно.

— Тогда зачем просили?

Каспар отвернулся, чтобы скрыть улыбку.

Из кухни появилась Марта. Она окинула гостей внимательным взглядом.

— Вы из полиции?

— Да, сударыня! — объявил фон Штольц.

— Хорошо. Вытирайте свои сапоги.

Комиссар замер.

— Простите?

— Сапоги. О коврик.

— Мадам, я прибыл расследовать преступление!

— А я только что вымыла пол.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Потом комиссар медленно вытер сапоги.

Каспар сделал то же самое без напоминания.

Марта одобрительно кивнула.

— Вот молодой человек — сразу видно, хорошо воспитан.

⁂

Расследование началось в гостиной.

Фон Штольц потребовал, чтобы все обитатели дома собрались вместе.

Марта принесла стулья. Готлиб — табурет. Клара и Иоахим устроились у камина. Телеман сел возле письменного столика.

Комиссар занял самое большое кресло.

— Итак, — объявил он, — прежде всего необходимо установить, не покидала ли госпожа Телеман дом добровольно.

Марта посмотрела на него.

— Покидала.

— Вот видите!

— Она пошла за покупками.

— Именно это я и хотел выяснить.

— А потом её украли.

Комиссар нахмурился.

— Сударыня, не следует забегать вперёд.

— Тогда задавайте вопросы быстрее.

Каспар поспешно вмешался:

— Госпожа Беккер, во сколько хозяйка вышла из дома?

— Около десяти.

— Одна?

— Да.

— Что было при ней?

— Сумочка, деньги, перчатки. И список покупок.

— Список сохранился?

— Нет, конечно. Я его видела и поэтому хорошо помню.

— Вы помните всё, что там было написано?

Марта посмотрела на него с лёгким удивлением.

— Молодой человек, я веду хозяйство в доме, где десять детей, композитор и дворник, который считает, что обед появляется сам собой. Если я не буду помнить списки покупок, мы все умрём с голоду.

Готлиб хотел возразить, но передумал.

Марта закрыла глаза и стала перечислять, мысленно читая листок.

Лента для Клары. Игрушка для Иоахима. Перчатки. Ткань на платье. Не покупать ничего лишнего.

Последняя строка была подчёркнута дважды.

Телеман вздохнул.

— Это я попросил добавить.

— А госпожа согласилась? — спросил Каспар.

— Она сказала, что подумает.

Каспар спросил:

— Кто-нибудь знает, куда она собиралась после покупок?

— К Фалькам, — ответила Клара.

— Откуда ты знаешь?

— Мама сказала за завтраком.

— Хорошо.

Каспар сделал запись.

Комиссар торжественно кивнул.

— Следовательно, необходимо допросить торговцев.

— И Фальков, — добавил помощник.

— Непременно. Господин Кнопф, проследите, чтобы никто из них не оказался забыт. Особенно торговцы: они имеют удивительную привычку замечать всё, что касается чужих денег.

⁂

Затем настала очередь Клары.

Девочка подробно рассказала о карточном вечере. О гранатовом кольце. О том, как Элеонора подавала сигналы. О меченых картах.

Каспар слушал внимательно.

— Ты очень наблюдательна.

Клара покраснела.

— Папа говорит, что хороший музыкант должен замечать всё.

— И ты занимаешься музыкой?

— Да. Но мне больше нравится рисовать.

— Что именно?

— Людей.

— Тогда, возможно, ты сможешь помочь нам.

Он положил перед ней чистый лист.

— Нарисуешь англичанку?

Клара оживилась.

— Конечно!

— И её кольцо?

— Особенно кольцо.

Комиссар нахмурился.

— Кнопф, мы ведь не собираемся устраивать художественную выставку.

— Нет, господин комиссар. Но рисунок поможет узнать женщину, если она появится в порту или на рынке.

— В таком случае пусть рисует. Только проследите, чтобы сходство было достаточным. Я не желаю, чтобы наши стражники задержали половину английских дам Гамбурга.

Клара взяла карандаш.

Иоахим немедленно придвинулся ближе.

— А можно я нарисую англичанина?

— Попробуй, — сказал Каспар.

Мальчик тоже принялся за работу.

Через несколько минут на его листе появился человек с огромной головой, длинными ногами и носом, напоминавшим морковку.

Телеман посмотрел на рисунок.

— Иоахим, у мистера Блэквуда был не такой большой нос.

— Я знаю.

— Тогда почему ты его нарисовал?

— Чтобы его легче было найти.

Каспар рассмеялся. Даже комиссар улыбнулся.

— В этом есть определённая логика.

— Вот видите, — сказал Телеман. — У нас в семье каждый по-своему помогает следствию.

Клара тем временем закончила свой рисунок.

На листе появилась молодая женщина с тонкими чертами лица, тёмными волосами и чуть насмешливой улыбкой. На правой руке художница особенно тщательно изобразила кольцо с крупным гранатом.

Каспар взял лист и внимательно рассмотрел.

— Очень хорошо, Клара. Если ты не возражаешь, я заберу рисунок. Мы покажем его стражникам у городских ворот и в порту. Возможно, кто-нибудь видел эту женщину.

— А мой? — спросил Иоахим.

Каспар посмотрел на изображение человека с морковным носом.

— Твой мы тоже сохраним.

— И покажете стражникам?

— Разумеется. Но сначала я попрошу твою сестру немного поправить нос.

— Зачем? — огорчился мальчик. — Он же получился таким заметным!

⁂

После детей допросили Готлиба.

Это оказалось значительно сложнее.

— Вы видели карету англичан? — спросил комиссар.

— Видел.

— Опишите её.

— Четыре колеса.

— Это понятно.

— Две оси.

— И это понятно.

— Лошади.

— Сколько?

— Две.

— Цвет?

— Коричневые.

— Кареты?

— Тёмно-зелёная.

Каспар поднял голову.

— Вы уверены?

— Разумеется.

— Были какие-нибудь отличительные признаки?

Готлиб задумался.

— Левое заднее колесо.

— Что с ним?

— Болталось.

— Насколько сильно?

— Достаточно, чтобы на поворотах обод задевал железную скобу.

Каспар быстро записал.

— Поэтому появилась царапина?

— Именно.

— И звук?

— Как будто кто-то точит нож о камень.

Телеман посмотрел на дворника.

— Готлиб, почему вы не сказали об этом раньше?

— Говорил.

— Когда?

— Вчера.

— Вы сказали, что колесо болтается.

— А что я должен был сказать? Что оно собирается отвалиться?

Марта фыркнула.

— Готлиб, ты иногда разговариваешь так, словно за каждое слово тебе приходится платить.

— Если бы мне платили за каждое слово, которое ты произносишь, Марта, я давно купил бы собственный дом.

— И кто бы тебе там готовил?

Готлиб задумался.

— Вот поэтому я до сих пор здесь.

Каспар снова улыбнулся. Но тут же вернулся к делу.

— Господин Крюгер, сможете узнать эту карету, если увидите?

— Конечно.

— Даже издалека?

— По звуку.

— По звуку?

— Да.

Каспар посмотрел на Телемана.

— У вас необыкновенный слуга, маэстро.

— Знаю. Иногда мне кажется, что он слышит колёса лучше, чем я — фальшивые ноты.

— Это потому, господин, — заметил Готлиб, — что колёса реже притворяются.

Каспар задумчиво посмотрел на свои записи.

— Если колесо действительно в таком состоянии, его придётся чинить. Далеко на подобной карете не уедешь.

— И что вы предлагаете? — спросил Телеман.

— Проверить каретные мастерские, кузницы и конюшни. Возможно, кто-нибудь уже видел тёмно-зелёную карету с повреждённым левым задним колесом.

Комиссар выпрямился в кресле.

— Разумное предложение, Кнопф. Немедленно распорядитесь.

— Я сам займусь мастерскими, господин комиссар. А стражникам поручим конюшни и городские ворота.

— Прекрасно. Наконец-то наше расследование приобретает необходимый размах.

Каспар сложил бумаги, осторожно убрал рисунок Клары и направился к выходу.

— Господин Крюгер, — остановился он у двери, — ещё один вопрос. Если карета проедет мимо вас по улице, вы действительно узнаете её по звуку?

— Узнаю.

— Даже если не увидите?

— Даже если закрою глаза.

Каспар улыбнулся.

— Тогда, возможно, скоро мне понадобится ваша помощь.

Готлиб пожал плечами.

— Только предупредите заранее.

— Почему?

— Чтобы я успел закончить подметать двор.

Марта всплеснула руками.

— Господи, Готлиб! У нас хозяйку похитили, а ты всё со своей метлой!

Глава шестая. Человек с газетой

После первых расспросов комиссар и Каспар поднялись в кабинет Телемана. Хозяин провёл их наверх.

На письменном столе лежали ноты, письма, счета и каталог цветочных растений.

Молодой помощник остановился.

— Вы действительно всё это пишете сами?

— К сожалению, да.

— И успеваете?

— Нет. Но продолжаю надеяться.

Каспар заметил несколько страниц с нотами. На верхнем листе было выведено посвящение саксонскому курфюрсту.

— Это та самая кантата для саксонского курфюрста?

— Начало.

— Красиво.

Комиссар фон Штольц стоял посреди кабинета Телемана, держа перед собой исписанный нотами лист двумя пальцами, словно тот мог оказаться заразным.

— Господин Телеман, объясните мне одну вещь. Что такое кантата?

— Кантата, господин комиссар, — это музыкальное произведение для голосов и инструментов. В ней могут быть арии, речитативы, хоры…

— Стоп! — поднял руку Штольц. — Уже три неизвестных слова. Начнём с первого.

— Ария — это когда певец выражает свои чувства посредством мелодии.

— А речитатив?

— Когда он сообщает, что произошло.

— А хор?

— Когда об этом узнают все остальные, — вмешалась Марта.

Она только что принесла кофейник и теперь с явным удовольствием слушала объяснения хозяина.

Кнопф рассмеялся.

— Превосходно! Значит, кантата немного напоминает наше расследование?

— Каким это образом? — удивился Телеман.

— Сначала свидетель рассказывает, что произошло. Потом подозреваемый громко выражает свои чувства. А в конце все одновременно кричат, что комиссар во всём был прав! — пошутил Кнопф.

— Кнопф! — крикнул комиссар.

— Вот! — обрадовалась Марта. — Началась ария!

Из-за двери послышался голос Готлиба, который подметал лестничную площадку:

— Нет, это ещё речитатив. Ария будет, когда он узнает, что обед задерживается.

Комиссар выразительно посмотрел на дверь.

— Полагаю, мне следует осмотреть остальные помещения. Возможно, там найдётся хоть один человек, который относится к расследованию серьёзно.

Он поручил Кнопфу продолжить осмотр кабинета и вышел.

— Вы разбираетесь в музыке? — спросил Телеман помощника.

— Немного. В детстве играл на скрипке, — ответил Кнопф.

— И почему бросили?

— Соседи попросили.

Телеман рассмеялся.

— Прекрасная причина. Некоторые музыканты продолжают играть, несмотря на гораздо более настойчивые просьбы.

Молодой человек улыбнулся. Потом его взгляд упал на конверт с письмом похитителей.

— Можно?

— Разумеется.

Каспар взял конверт. Осмотрел печать. Поднёс бумагу к свету.

— Интересно.

— Что именно?

— Бумага дорогая.

— Вы разбираетесь в бумаге?

— В нашем деле приходится разбираться во многом.

Он осторожно провёл пальцем по краю листа.

— Плотная, хорошей выделки. Посмотрите, на просвет виден водяной знак. Такие листы стоят недёшево. И обрезана бумага очень ровно.

— Это плохо?

— Не обязательно. Но такие листы обычно покупают не для записок, которые передают через уличных мальчишек.

Телеман задумался.

— Значит, похитители богаты?

— Или хотят казаться богатыми.

— Блэквуд как раз производит такое впечатление.

— А печать?

Каспар показал сургуч. На нём сохранился слабый отпечаток. Не герб. Не инициалы. Просто гладкая поверхность с едва заметной царапиной.

— Похоже, письмо запечатали обычным предметом, — сказал помощник. — Возможно, рукояткой ножа или металлической пластинкой.

— Почему не перстнем?

— Возможно, потому, что не хотели оставлять узнаваемый отпечаток. Личная печать могла бы выдать владельца.

Телеман посмотрел на письмо.

— Значит, они предусмотрительны.

— Похоже на то.

Каспар положил конверт на стол.

— И, вероятно, уже знают, что вы обратитесь в полицию.

Композитор нахмурился.

— Но в письме прямо запрещено…

— Именно поэтому они и написали запрет.

Телеман помолчал.

— Вы полагаете, они наблюдают за домом?

— Я бы на их месте наблюдал.

Эти слова прозвучали так спокойно, что композитору стало ещё тревожнее.

— И что же нам делать?

— Для начала проверить, не следит ли кто-нибудь за вашим домом. Особенно за теми, кто входит и выходит. Если у похитителей есть наблюдатель, он может привести нас к своим хозяевам.

— А если он заметит вас?

Каспар пожал плечами.

— Тогда постараемся заметить его первыми.

—

Тем временем внизу комиссар фон Штольц приступил к осмотру кухни.

Он делал это с такой тщательностью, что Марта начала подозревать: его интересует не столько преступление, сколько содержимое кастрюль.

— Что это? — спросил комиссар, указывая на большой медный котёл.

— Куриный суп.

— А это?

— Жаркое из телятины.

— А здесь?

— Пирог.

— С яблоками?

— С вишнями.

Фон Штольц задумался. Причмокнул.

— Весьма любопытно.

— Господин комиссар, — сказала Марта, — вы ищете похитителей или обед?

— Сударыня, опытный следователь обязан обращать внимание на каждую деталь.

— Тогда обратите внимание: если вы будете поднимать крышки каждые пять минут, суп остынет. И жаркое тоже.

Комиссар отступил.

— Я лишь выполняю свой долг.

— А я свой. И мой долг сейчас пахнет значительно лучше вашего.

Штольц кашлянул и, видимо вспомнив, что находится при исполнении служебных обязанностей, придал лицу строгое выражение.

— Скажите, госпожа Беккер, не замечали ли вы в последние дни возле дома подозрительных людей? Незнакомцев, которые подолгу стояли на улице или наблюдали за окнами?

Марта задумалась.

— На нашей улице всегда кто-нибудь стоит. Один ждёт булочника, другой — должника, третий — когда жена перестанет сердиться и пустит его домой.

— А кто-нибудь необычный?

— Если замечу, обязательно скажу. Только вы мне сначала объясните, как отличить настоящего подозрительного человека от обычного гамбургского торговца.

Комиссар не нашёлся с ответом.

В этот момент вошёл Каспар.

— Господин комиссар, нам необходимо отправиться к торговым рядам.

— Разумеется!

— Там можно выяснить, кто продаёт такую дорогую бумагу, как та, на которой написано письмо. Возможно, кто-нибудь вспомнит покупателя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.